

возможности послушать Аргиропула, и действительно остался во Флоренции до 1461 г. Из его переписки с Лодовико Гонзага мы ясно видим, с каким рвением и терпением он изучает греческий язык. Поэтому не удивительно, что занимаясь так глубоко и основательно, Платина впоследствии сам стал преподавателем греческого языка. Так, в 1460 г. он обучил греческому языку гуманиста Марсилио Фичино. Последний стал преподавателем исключительно одаренного Анджело Полициано, который, еще будучи юношей, в 1469 г., начал переводить «Илиаду», продолжая труд Марсупини, когда Аргиропул, бывший еще во Флоренции, ввел его в курс философии. Полициано отзываясь об Аргиропуле, например, в своих «Miscellanea», с исключительным уважением. Я процитирую здесь особенно достойное внимания высказывание: «Этот Аргиропул, византиец, некогда бывший менее всего наблюдательным в отношении латинской литературы, стал теперь ученейшим в премудрости декретов и всех тех дисциплин, которые Марцианом называются циклическими»⁶⁵.

Когда в 1457 и 1465 гг. во Флоренции была чума, Донато Аччайюоли переселился со своей семьей в Вальдипезе. Там он и его друзья нашли возможность продолжать слушать Аргиропула, для которого они устроили жилище поблизости⁶⁶ (вспомним, что точно так же поступил Палла Строцци с Мануилом Хрисолором во время чумы во Флоренции в 1399—1400 гг.).

Особого внимания достоин Франко Саккетти, проявивший большую щедрость по отношению к греческому ученому, которого он высоко ценил. Этот друг и энтузиаст гуманистических занятий дважды в год приглашал Аргиропула и его лучших слушателей к себе в дом на праздничный банкет для бесед об их занятиях и о различных случаях из их жизни. Его гостем был также и Веспасиано да Бистиччи, который рассказывает о такой встрече в своей «Жизни Франко Саккетти».

Как уже указывалось, Аргиропул был перипатетиком, но сумел свою исключительную любовь к Аристотелю сочетать с восхищением Платоном. Перипатетик Аргиропул восхваляет Аристотеля как ни с кем несравнимого, но в виде исключения ставит Платона непосредственно за ним: «Для божественного Платона всегда будет исключение» (*Plato divinus semper excipiendus*), — говорит он, подобно Цицерону, который в своих «Тускуланских беседах» (X, 22) замечает: «Аристотель намного превосходит всех и умом, и усердием, но Платона я исключаяю» (*Aristoteles longe omnibus, Platonem excipio, praestans et ingenio et diligentia*)⁶⁷.

Виссарион послал во Флоренцию два экземпляра своей речи в защиту Платона против Георгия Трапезундского «Против клеветника на Платона» (*In calumniatorem Platonis*), причем один экземпляр был предназначен для Марсилио Фичино, другой — лично для Аргиропула. Аргиропул поздравил кардинала в письме от 26 октября 1469 г. с его эффектной защитой Платона, за которую ему должны быть благодарны все латинские гуманисты. Фичино написал Виссариону в том же духе. Но по существу Аргиропул все же оставался перипатетиком, и почти все его лекции были посвящены Стагириту. Он переводил на латинский язык произведения именно этого философа: «Категории», «Об истолковании», две его «Аналитики» и «О софистических доказательствах», затем «Физику слуха», «О небе» и «О душе», наконец, «Метафизику» и «Никомахову этику».

⁶⁵ «Argyropulos ille Byzantinus, olim literarum latinarum minime incuriosus tum sapientiae Decretorum disciplinarumque adeo cunctarum quae ciclicae a Martiano dicuntur, eruditissimus est habitus» (Cammelli, 2, 98, not. 4).

⁶⁶ Cammelli, 2, 105.

⁶⁷ Ibid., 2, 112, not. 2.